

ВМ.Воронков, Э.А.Фомин

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ БЕДНОСТИ

ВОРОНКОВ Виктор Михайлович — кандидат философских наук, директор Центра независимых исследований (Санкт-Петербург).

ФОМИН Эдуард Афанасьевич — кандидат философских наук, зам.директора Центра независимых исследований (Санкт-Петербург).

До сих пор в России не существует глубоких исследований бедности, ее причин, границ и масштабов. Сегодня превалируют субъективно-ценностные, а не объективно ориентированные подходы. Эксперты, придерживающиеся различных "партийных" ориентации, редко демонстрируют заинтересованность в адекватном отображении реальности. Типичной формой научного лукавства является преувеличение одних симптомов и преуменьшение других.

Примечательны оценки масштабов бедности, которые приводят специалисты на основе определения доли лиц с минимальными душевыми доходами в общей численности населения. Оценки могут отличаться на целый порядок и варьируют в диапазоне от 8 до 80% [1]. Одни эксперты утверждают, что реальные денежные доходы уменьшились за год на треть, другие приводят данные, свидетельствующие о значительном росте реальных доходов и улучшении остальных параметров уровня жизни населения в целом [2].

Столь существенный разброс оценок во многом объясняется не только различными методическими подходами, но и теоретическим вакуумом, в котором оказались специалисты, изучающие проблемы благосостояния. Из научного оборота исчезли еще недавно широко применявшиеся теоретические конструкции и понятийные системы типа "труд в общественном (государственном) хозяйстве есть единственный источник благосостояния" и т.д. Потеряли свое, значение теоретические представления о росте доли благ, получаемых индивидом (тружеником) из так называемых общественных фондов потребления (бесплатное медицинское обслуживание, образование, дошкольные детские учреждения, жилье и пр.).

Высказывается предположение, что при схожести внешних проявлений бедности — низкие доходы, отсутствие накоплений, преобладание расходов на питание во всей совокупности расходов и т.д. — ее общесоциальные черты в России и в странах с развитой рыночной экономикой сильно разнятся. В этом отношении весьма проницательно наблюдение Д.Берто, которое должно послужить предостережением исследователям и политикам от отождествления тех или иных явлений на основании лишь очевидного внешнего сходства. "Хотя советские города напоминают по своей морфологии многоэтажные коробки, так хорошо знакомые и жителям Западной Европы, — пишет он, — тем не менее они существенно отличаются от европейских городов системой скрытых в них социальных отношений" [3].

Раскрытие сущности этих отношений имеет принципиальное значение для понимания того, что представляет собой сегодня бедность в России как социальный феномен. В этом смысле важно знать, как действовали основные социальные институты и нормы, устанавливавшие допустимые способы обеспечения определенного уровня благосостояния. Иными словами, необходимо понять, какие механизмы продолжают оказывать влияние до сих пор, правда, уже не непосредственно, а в качестве результата социализации нескольких поколений советских людей.

Прежняя социальная система создала условия, в которых подавляющее большинство населения предпочитало придерживаться единой, универсальной на все случаи жизни

стратегии поведения. Уровень личного благосостояния мало зависел от собственных усилий людей и складывался главным образом под влиянием специальных государственных мероприятий. Границы оплаты труда не определялись стоимостью выпущенной продукции и экономической эффективностью производства. В порядке вещей были периодические единовременные пересмотры ставок и окладов в отдельных отраслях производства и по категориям работников. Различия в оплате труда устанавливались плановыми актами властей вне какой бы то ни было связи с реальными ценовыми соотношениями производимой продукции.

Приобретение основных жизненных благ осуществлялось в форме наделения, государственного благодеяния, как награда за соблюдение формальных правил (проживание на одном месте в течение длительного срока, стаж работы на одном предприятии и т.д.) и в зависимости от возможностей, которыми располагало государство (предприятие), то есть благодетель. Собственные силы для значительного изменения своего материально-вещественного состояния реализовать было практически невозможно.

В общественной морали личный достаток считался подозрительным, неприличным. Например, для номенклатуры действовала система санкций за проступки, квалифицируемые как "нескромное поведение". Достаток, выходящий за пределы общественно одобряемых и зачастую формально-юридически установленных стандартов ("потолок" заработной платы, допустимый уровень жилищной обеспеченности, ограничения норм владения землей, строениями, запреты на личное владение средствами производства и т.п.), вызывал подозрение. Наличие имущества сверх принятых в общественном сознании пределов могло служить достаточным основанием для возбуждения уголовного преследования. Политика в области контроля за благосостоянием населения в основном сводилась к кампаниям по борьбе с нетрудовыми доходами.

В результате в 1991 году официально бедные и относительно состоятельные семьи практически не отличались друг от друга по таким важнейшим показателям обеспеченности, как размер занимаемой жилплощади, наличие предметов длительного пользования (холодильники, стиральные машины, телевизоры, пылесосы и даже автомашины). При этом большую часть низкодоходных групп составляли занятые в народном хозяйстве [4].

Совершенно естественно сформировался особый тип трудового (экономического), семейно-бытового и общественно-политического поведения человека, ставшего, пожалуй, одной из самых характерных черт *homo soveticus*. Речь идет о *минимизации усилий* для достижения заранее фиксированных (и не связанных с этими усилиями) объема и качества вознаграждения за участие в деятельности различных общественных (производственно-экономических и политических) институтов.

Совокупность условий, устанавливающих жесткие границы возможного уровня благосостояния, а также минимизация допустимых способов его достижения привели к возникновению "*социалистического образа жизни*" как идеологического стандарта. Скромный достаток, личная бедность культивировались в качестве общественно одобряемого нравственного достоинства. Изучение перехода от этого массового состояния общества к другим социокультурным образцам под воздействием социально-экономического реформирования представляет собой уникальную познавательную задачу.

Судя по некоторым исследованиям, традиционные методы изучения бедности переживают кризис как в том, что касается теоретического инструментария, так и инструментария "государства благосостояния" [5]. Известный норвежский специалист в этой области Эльзе Эюен вообще полагает, что сейчас "не существует одной-единственной всеохватывающей или главенствующей теории бедности и непохоже, чтобы таковая когда-либо появилась" [6].

Тем не менее для изучения феномена бедности в России из всех теоретических конструкций наиболее приемлем, с нашей точки зрения, синтез подходов, развиваемых в классических теориях дезорганизации (Ч.Кули, У.Томас, Ф.Знанецкий), аномии (Э.Дюркгейм, Р.Мертон), "культуры бедности" (О.Льюис, 1975 и др.) и социэкономике [7].

Теория дезорганизации описывает расплывчатость норм, с которыми вынуждено сообразовать свое поведение большинство членов общества, Дезорганизация, в частности, проявляется в утрате значения прежних привычных способов поведения. Состояние *аномии*, характерное сейчас для многих наших сограждан, отражает хорошо описанный в соответствующей теории дисбаланс между⁷ целями, которые ставит перед собой общество, и средствами, которыми оно располагает. В то же время бедность в рамках этих подходов не служит непосредственным объектом изучения, и потому они нуждаются в привлечении концепций другого уровня.

Если исходить из предмета исследования, то, пожалуй, наиболее приспособлена для анализа содержания и причин консервации бедности в России теоретическая конструкция "*культуры бедности*" [8]. Однако, на наш взгляд, эта конструкция имеет существенный недостаток, ограничивающий ее разъяснительные возможности: она страдает известной статичностью. Согласно данному подходу, бедность — это субкультура, которая сложилась в пределах более широкого господствующего (типового) культурного пространства и являет собой особый стиль жизни, присущий отдельным слоям населения, носителям определенных стереотипов и образцов поведения. Представители этой субкультуры существуют в особом культурном мире. Описание отчужденности, непроницаемости субкультуры бедности для ценностей и норм "большой" культуры, конфликтной стороны их взаимоотношений и различий принципиального характера и составляет в основном исследовательские возможности конструкции.

Однако всякая субкультура находится в более сложных отношениях с родовой культурой, нежели простое неприятие и конфликт. Герберт Ганс в работе "*The positive functions of poverty*", написанной свыше 20 лет назад, одним из первых обратил внимание на то, что бедность заставляет людей заниматься определенными видами деятельности, поскольку никаких других возможностей у них не осталось. Данное обстоятельство, в свою очередь, освобождает небедных от этих занятий или предоставляет им ряд преимуществ, которых в противном случае не было бы [9].

Изучение механизма подобного взаимного порождения должно лечь в основу формирования адекватной социальной политики. Анализ проблематики бедности в чисто академическом ключе, вне отчетливой практической ориентации сегодня вряд ли этически оправдан. Возникает необходимость поиска инструментария, который способен вооружить как исследователя, так и политика пониманием механизма воспроизводства, возобновления, самовосстановления основных культурных параметров явления.

Следует отметить, что "культура бедности" в странах с рыночной экономикой даже при весьма значимых масштабах имела реальный статус лишь в качестве субкультуры. В наших же условиях этот феномен ведет свое происхождение от базовой поведенческой культуры господствовавшей системы и потому не является субкультурой в полном смысле этого понятия — ведь базовая культура благосостояния и ее ценности для возникающей новой общественной системы еще не сформировались. Вот почему важное значение имеют исследования тех трансформаций общества, которые наблюдаются в периоды культурного перехода. Здесь особого интереса заслуживают стратегии, связанные с преодолением бедности. Они означают перестройку самой глубинной структуры культурного гено типа, его наиболее консервативной и устойчивой ментальной составляющей.

Для реализации подобных исследовательских задач необходимо дополнить рассмотренные выше классические теоретические концепции социэкономическим подходом, естественным развитием которого мы считаем накопленный у нас опыт изучения жизнедеятельности городского населения. Имеющиеся данные позволяют

предположить, что анализ проблем, связанных с формированием стратегий поведения в новых условиях, наиболее эффективен в рамках специфической "производственной" парадигмы [10]. С этой точки зрения особенности таких категорий, как образ и стиль жизни, культура бедности или богатства и т.п. являются продуктом специфической для конкретной социальной системы области "социального производства". Внешние отношения этого производства со всей социально-экономической системой на макроуровне, с одной стороны, и "внутрипроизводственные" взаимоотношения людей в повседневной жизнедеятельности, с другой, — выявляют внутреннюю логику процессов, обеспечивающих устойчивость и воспроизводство соответствующих культурных феноменов. Действия людей, дающие возможность, как они полагают, сохранять или улучшать свою позицию в системе этих отношений, складываются в *типовые стратегии поведения*. Следование таким стратегиям обеспечивает ту степень успешности существования в данных социальных условиях, которая признается ими в качестве нормы.

Это означает, что процесс изменения прежнего господствовавшего способа жизнедеятельности представляет собой наиболее общий контекст, в который могли бы вписываться исследования бедности в современной России. При этом нужно исходить из того, что вышеупомянутая стратегия "минимизации усилий" и базирующиеся на ней частные стратегии поведения, потеряв внешние опоры в виде соответствующих коллективистских, уравнилельных и патерналистских институтов, никому не гарантируют элементарного выживания. Тем не менее жизненные стратегии социалистического типа сохраняются в качестве внутренней доминанты до тех пор, пока привычные поведенческие стереотипы не будут вытеснены новыми, соответствующими иной реальности. С нашей точки зрения, именно на этом базируются многие виды бедности в современной России. Бедность сегодня не только результат внешних условий и обстоятельств, но и в неменьшей степени следствие ментальной инерционности и внутренней неготовности населения к другим, неизвестным ранее способам жизнедеятельности.

Поэтому в изучении выработки стратегий, направленных на преодоление бедности (*стратегий выживания*), мы считаем принципиальным отказ от бихевиористской схемы, по которой тип желаемого, одобряемого поведения является непосредственным следствием соответствующим образом рассчитанных внешних стимулов и воздействий. Практика социально-экономического реформирования показала, что одни и те же экономические меры вызывают несопадающую реакцию различных групп населения. Кто-то быстро справляется с бедностью, а у кого-то бедственное положение продолжает усугубляться.

Большой интерес представляет становление стратегий, где поведение диктуется не столько внешним стимулом, сколько внутренней ментальной предрасположенностью и где менталитет уже сам выступает как внутренний стимул даже без видимых побуждений извне. Нас интересуют случаи, когда поведение является не только реакцией на отрицательные социальные вызовы, но и выражает способность использовать новые открывающиеся возможности. В этом смысле в исследовательских целях важно выделить в качестве внешнего стимула два основных вида социального вызова, обусловленных общим изменением ситуации в России.

1. "Отрицательный", связанный с исчезновением, отменой, упразднением некоторых привычных, устоявшихся институтов и способов, обеспечивавших условия повседневного существования, Здесь нет выбора, такой вызов требует обязательной реакции — иначе не выжить.

2, "Положительный", связанный с появлением возможностей для новых, неизвестных или недопустимых и неодобряемых в недавнем прошлом способов и стилей жизни. Это уже вопрос выбора: либо попытаться воспользоваться новыми возможностями и подвергнуть себя риску, либо отказаться от них и не рисковать,

Своевременная фиксация соответствующих ментальных трансформаций, а также условий, которые этому способствуют (или, наоборот, препятствуют), позволит разработать более адекватные социальные программы, ориентированные на поддержку активных, опережающих стратегий поведения. Поддержка именно таких стратегий — важнейшая предпосылка успешного реформирования общества в целом.

Смена менталитета и поиск стратегий выживания в сегодняшней России предопределяют выбор *объекта исследования*, нагляднее всего отражающего всю сложность и остроту этого перехода. Таким объектом являются, на наш взгляд, *беднейшие слои населения*, то есть социальные группы, в наибольшей степени подверженные рискам, связанным с воздействием новых факторов рыночно-конкурентной среды. Состав этих групп был определен одним из наших ведущих специалистов по социальной защите следующим образом:

1. Депривированные категории, лица, лишенные социального статуса (пьяницы, психические больные, наркоманы) — около 5% населения.

2. Живущие на фиксированные доходы (пенсионеры, многодетные семьи, матери-одиночки) — 5-6%.

3. "Новые бедные" — работающие люди, заработка которых не хватает для содержания себя и своей семьи — 6-7% [11].

Смена жизненной стратегии становится для представителей перечисленных категорий вопросом в высшей степени принципиальным. Поэтому стратегии, которые они сейчас вырабатывают и которые, возможно, впоследствии будут обыденными, сегодня с полным основанием можно назвать стратегиями выживания.

Судя по нашим предварительным наблюдениям, нынешнее реальное поведение этих групп, или, иначе говоря, способы реагирования на общую для всех ситуацию существенно различаются. Объяснение различий должно стать важной составной частью изучения стратегий по преодолению бедности. Имеется несколько гипотез относительно возможных типов поведения, которые предстоит выбирать тем или иным контингентам населения. Эти гипотезы выдержаны в духе парсонсовской схемы соотношения целей и средств деятельности и в условиях глобального трансформационного сдвига могут рассматриваться лишь как отправная точка анализа. Мы располагаем некоторыми сведениями о реакции на изменения социального и имущественного положения со стороны "новых бедных", появившихся в результате изменения общественного статуса таких важных институтов, как оборонный сектор государства и наука [12]. Завершается исследование проблем адаптации в условиях гражданской жизни бывших офицеров, уволенных из армии в связи с ее сокращением.

Упомянутые исследования пока не дают достаточно полной картины формирования новых стратегий как ментальных сдвигов. Однако полученные материалы пригодны для вторичного анализа, с помощью которого можно ответить и на ряд вопросов, поставленных в данной работе. В реальном поведении этой категории бедных отчетливо проявились два основных типа стратегий: пассивный и активный.

Пассивный тип представляет собой негативную реакцию на исчезновение прежних институтов, а также связанных с ними возможностей и направлен на сохранение положения и благосостояния, достигнутых в прежних социально-экономических условиях. Эта группа стратегий, в свою очередь, имеет две разновидности. Одна — *рефлекторно-запаздывающая* — ведет к постепенному усугублению бедности, другая — *умеренно приспособительная* — по крайней мере, к консервации сложившегося уровня. Обе достаточно хорошо описываются в категориях "культуры бедности".

Активный тип представляет собой реакцию на вновь открывающиеся возможности, на *положительную сторону общего вызова*. Среди этих стратегий наиболее отчетливо выделяются:

а) *позитивно-карьерный тип* — стратегия, направленная на выход в более высокую по уровню благосостояния страту. Здесь приемлемы любые легальные средства, ведущие вверх, главное — продвижение;

б) *позитивно-инструментальный тип* — стратегия, направленная на рациональное использование новых возможностей как самоцель. Надо служить системе, используя средства и стремясь к целям, наиболее предпочтительным с точки зрения общественных интересов. Продвижение и связанное с ним благосостояние — естественный, ожидаемый, но не единственный мотив социальной активности;

в) *криминально-карьерный тип* — стратегия, при которой в целях укрепления личного благосостояния используются прежде всего возможности, связанные с дезорганизацией и аномией. Систему можно использовать и обманывать — это наиболее быстрый и эффективный путь к материальному благополучию.

Изучение факторов, под влиянием которых происходит выбор соответствующих стратегий представителями обозначенных выше групп риска, имеет не только теоретический, но и практический интерес. Сегодня, например, недостаточно предсказуемо меняются типы поведения депривированных категорий, чье положение в обществе во многом стало иным. С одной стороны, общество отказалось использовать прежние репрессивные средства ресоциализации и реабилитации. Закрыты учреждения принудительного лечения от алкоголизма и наркомании, отменены статьи уголовного кодекса, предусматривающие различные виды наказания за так называемое тунеядство, установлен исключительно судебный порядок изоляции в целях лечения некоторых форм психических заболеваний и т.д. Зреет понимание того, что многие категории депривированных нуждаются в социальной поддержке и помощи, хотя специальные программы и соответствующие институты практически еще не существуют.

С другой стороны, новая социально-экономическая ситуация затруднила использование прежних стратегий поведения, связанных с получением случайных заработков на непристижных рабочих местах, увеличила риск потери постоянного места жительства и минимальных бытовых условий.

С точки зрения ментального перехода наиболее интересны лица, депривация которых была обусловлена их личным выбором, протестом против господствовавших порядков. Именно от этих людей вполне вероятно ожидать высокой активности в использовании новых возможностей. Не исключено, что здесь будут формироваться стратегии, которые могли бы претендовать на статус социально успешных и нормативно-одобряемых. В то же время в этой среде возможна концентрация стратегий криминально-карьерного типа.

Если обратиться к анализу поведения *бедных, имеющих фиксированные доходы* (получатели пенсий и пособий), то картина, по-видимому, будет иной. Многие из них предпочтут использовать *стратегии выживания, основанные на патерналистских ценностях*, тем более что соответствующие государственные институты патернализма не были разрушены, а принципы их отношений с населением не претерпели существенных изменений. Для значительной части этой категории, в частности пенсионеров по возрасту, стремление сохранить прежний уклад и есть стратегия выживания, новые рыночные возможности (положительные вызовы) принципиально обращены не к ним.

В собственном сознании и общественном мнении эта категория населения предстает в качестве субъекта, уже выполнившего свои основные социальные обязательства. Момент коренного общественного перелома застал их в тот период жизни, когда вектор взаимодействия с обществом должен был перемениться на обратный. Все, чего требовало государство, они, в меру своих сил, выполнили. Теперь, как было обещано, наступило время возврата, исходя из социалистического принципа "каждый получает из общественных фондов в точном соответствии со своим реальным вкладом в общественное богатство".

Бедность этих людей сегодня — результат невозвращенных государственных долгов. Стратегии поведения будут формироваться в русле развития конфликта между двумя типами менталитета: наемного работника — государственного служащего (кредитора) и государства-благодетеля (должника). Как источник порождения новых рыночных стратегий поведения данный конфликт бесперспективен. Эта форма бедности и соответствующие ментальные установки исчезнут лишь вместе с их носителями. Вне сложившихся форм жизни для них нет перспектив.

Другой важной методологической проблемой изучения коренных социальных и ментальных переходов является адекватный выбор первичных единиц наблюдения и анализа. Когда в исследовании этот вопрос не ставится специально, то обычно подразумевается, что естественным объектом преобразований и, стало быть, научной рефлексии выступает отдельный индивид (разумеется, в его многообразном средовом окружении). В этом случае он и есть носитель и исполнитель всякого рода стратегий, ролей и функций. Внешнее окружение рассматривается как не относящееся к его собственному (внутреннему) миру. Предполагается, что индивид сообразуется лишь со своими мотивами и установками.

Для многих исследовательских задач подобное упрощение вполне допустимо и не приводит к грубым искажениям действительности, однако в нашем случае такой подход не вполне правомерен.

Конечно, в ситуациях стабильности, когда реализуются типы поведения, представляющие собой элементы сложившихся жизненных укладов, индивидуальная стратегия вполне может выглядеть автономной. Иное дело — кризисная, переходная ситуация. Она делает очевидным то обстоятельство, что индивидуальная стратегия, прежде чем определиться в качестве таковой, неизбежно формируется сначала как часть пересмотренной семейной стратегии. Изменяются семейные позиции, супружеские роли, спектр отношений между детьми и родителями, способы образования совокупного семейного дохода, его распределения. С этой точки зрения индивид отвечает на внешние социально-экономические вызовы уже не только как представитель социально-демографической или профессиональной группы с заданными социальными функциями. В первую очередь он — частное лицо, несущее (или не несущее) свою долю ответственности за собственное выживание и выживание близких. Этим может определяться и, по-видимому, определяется его потребность в изменении своего места в обществе, из чего следуют соответствующие формы поведения.

Таким образом, первичным социальным образованием, к которому обращены новые социально-экономические вызовы и где вследствие этого начинают пересматриваться привычные жизненные стратегии, выступает семья. Она же является и тем субъектом, который формирует и отбирает стратегии, направленные на сохранение и упрочнение ее воспроизводственных функций.

Бедность в России — сегодня одно из самых мифологизированных явлений, предмет разного рода политических спекуляций. Разумеется, главную озабоченность политиков вызывает возможность социальной напряженности, когда они будут вынуждены менять курс реформ на поддержку популистских стратегий.

У нас есть основания утверждать, что бедность в России не носит всеобщего характера. Более того, вероятность социальных беспорядков в связи с этим близка к нулю. Возможности каждого на сегодняшнем рынке огромны, и не следует недооценивать скорость и масштабы изменения "советской" ментальности. Население страны достаточно быстро адаптируется к новым условиям, находит эффективные стратегии нового экономического поведения. Те же, кто по разным причинам не в состоянии себе помочь, обычно относятся к социальным группам, которые не способны на активный социальный протест.

Ответ "да" на вопрос "Примете ли вы участие в митингах, демонстрациях протеста против роста цен и падения уровня жизни?" (число давших такой ответ колеблется в

опросах ВЦИОМ от 20 до 25% [13]) нельзя интерпретировать однозначно. Скорее всего, это лишь реакция респондента на провокационную форму вопроса, которая означает "жить тяжело, так что я даже готов протестовать".

В общественном сознании всеобщая бедность в России стала аксиомой, но так ли это на самом деле? Выскажем на сей счет ряд соображений.

1. Представление о бедности населения сформировано средствами массовой информации и сильно отличается от мнения людей в тех случаях, когда они могут сравнить собственный опыт со сведениями, почерпнутыми из тех же средств массовой информации. В большинстве взятых нами интервью респонденты утверждали, что в России всеобщая нищета, но "моя семья, слава Богу, исключение, нам удалось успешно преодолеть трудности".

2. Господствующая до сих пор "культура бедности" приучила "прибедняться". Многие опрошенные относили себя к бедным без всяких оснований, и даже несмотря на то, что их уровень жизни за последние годы значительно повысился. Ощущение собственной ущербности порождается новой ситуацией, когда люди сравнивают свои возможности с возможностями самых высокодоходных групп.

3. Ни один эксперт, никакие расчеты не могут сегодня выявить хотя бы приблизительный уровень доходов различных социальных категорий. Существенная часть всех доходов населения учетом не охвачена, так как получена в чрезвычайно развитом неформальном секторе экономики. Мы не можем опираться здесь ни на статистику, достоверность которой и раньше оценивалась очень низко, ни на массовые анкетные опросы, которые только укрепляют миф о всеобщей бедности, поскольку операционализировать вопросы на столь деликатную тему невозможно. Граждане скрывают неформальные доходы, испытывая страх и перед налоговой инспекцией, и перед вездесущим рэкетом, и "на всякий случай" из-за неизжитого еще "страха вообще", характерного для советского человека.

Наши интервью продемонстрировали еще один парадокс в сознании россиян, который невозможно предусмотреть в исследованиях, проводимых другими методами. Подавляющее большинство людей учитывают лишь регулярные денежные поступления (заработная плата, пенсия, стипендия и т.д.), но оставляют без внимания разовые, случайные (особенно в валюте!), не говоря уже о помощи со стороны или о доходах не в денежной форме (например, продукцию собственного приусадебного хозяйства).

4. В ситуации быстрых экономических и социальных преобразований человек часто меняет свой экономический статус, что влечет за собой неоднократные подъемы и провалы в уровне материального благосостояния. В этих условиях особенно заметно, что доля постоянно бедных сравнительно невелика, и для многих бедность связана с вопросом "когда?"

Важный психологический эффект, существенно влияющий на определение масштабов бедности, связан с тем, что процесс осознания своего изменившегося материального положения отстает от частоты и скорости смен экономического статуса. Нередко люди находятся во власти переживаний, которые отражают их предыдущее бедственное положение, и продолжают по-прежнему считать себя бедными.

5. Разумеется, есть и объективно постоянно бедные, которые не могут самостоятельно выбраться из нищеты. Задача общества — помочь им жить в условиях, достойных человека. Но именно среди респондентов, принадлежащих к низшей доходной страте, относительно часто встречались те, кто полностью социализирован в "культуре бедности" и потому вполне доволен нищенскими условиями, которые дают возможность удовлетворить их сильно заниженные потребности (кстати, этот парадокс мы наблюдали и раньше в исследованиях, проведенных еще во времена "развитого социализма").

6. Ни исследователи, ни население не осознали особенности нынешнего российского общества, которая делает невозможным сравнение масштабов и сути бедности в России и других странах. Речь идет о том, что почти все наши соотечественники в результате

приватизации жилья стали собственниками реальных (и не малых!) рыночных ценностей — квартир или домов. Если добавить к этому, что каждый четвертый житель России имеет в собственности небольшой земельный участок и второе жилье (дачу), то становится понятным, что мы еще ничего не знаем о бедности в нашей стране. Будущие исследования в этой области сулят массу неожиданных открытий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арифджанов Р. Средняк превращается в бедняка, когда "мерседесов" и нищих становится больше // Известия. 1994. 15 сентября; Гельбрас В. Четыре мифа о положении трудящихся в России // Общая газета. 1994. 24-30 июня.
2. Илларионов А. Падение уровня жизни: миф или реальность? // Известия. 1994. 17 февраля.
3. Берто Д., Малышева М. Культурная модель русских народных масс и вынужденный переход к рынку // Биографический метод: История, методология, практика. М.: Институт социологии РАН, 1994. С. 101.
4. Ярыгина Т. Бедность в богатой России // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 30.
5. Guidicini P., Pieretti G. La radici dell' impoverimento: Tessute sociale, familia e poverta a Bologna negli anni' 90. Milano: France Angeli, 1992. (Цит. по: Общественные науки за рубежом: Реферативный журнал "Социология". Серия 2, 1993. № 2. С. 71.)
6. Эюэн Э. Некоторые ключевые вопросы (сопоставительного) исследования бедности // Международный журнал социальных наук. 1993. № 1. С. 215.
7. Etzioni A. How Russia holding on? // Challenge. 1992. № 4 / 5 P. 33 — 38.
8. Ярошенко С. Синдром бедности // Социологический журнал, 1994. № 2. С. 43- 50.
- 9- Gans H. The Positive Functions of Poverty // American Journal of Sociology. 1973. V. 78. № 2.
10. Образ жизни населения крупного города: Тенденции и проблемы. Л.: ИСЭП АН СССР, 1988. С. 24-34; Город — целевая система "производства самого человека" // Этносоциальные проблемы города / Под ред. О.И. Шкаратана. М.: Наука, 1986.
11. О "новых бедных" замолвите слово. Беседа с руководителем рабочего аппарата Совета по социальной политике при Президенте РФ Евгением Гонтмахером // Труд. 1994. 11 июля.
12. Fomin E., Osvald I., Voronkov V. Ruestrungmigration und "brain drain": zur Situation im militaerisch-industriellen Komplex und in den Wissenschafts- institutionen in Russiand // Berlin. Berghof-Stiftung fur Konfliktforschung. (Arbeitspapiere der Berghof-Stiftung fur Konfliktforschung; N 56). 1993.
13. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения // Информационный бюллетень. 1994. № 6. С. 47.